

Журнальное обозрение

селемъ свободные браки или браки убѣгомъ распространились съ теченіемъ времени почти повсемѣстно, причемъ обычай вѣнчаній убѣгомъ-гдѣ перешелъ это свое названіе и болѣе извѣстенъ подъ кличкой «кражи невесты». Бракъ убѣгомъ совершается слѣдующимъ образомъ: «невеста даетъ предвѣстительно жениху какой нибудь задатокъ — платокъ, холстъ, колечко и т. п.; затѣмъ женихъ по уговору съ невестой въ извѣстное время и въ извѣстномъ мѣстѣ подхватываетъ ее и на время скрываетъ у кого либо изъ соседей. Тогда родители молодого явятся къ родителю молодой съ вѣномъ и «простятся»; послѣ этого обыкновенно «будто бы съ добра» вѣнчаются, такъ какъ здѣсь попъ не повѣнчиваетъ иначе, какъ «съ добра». Кража или убѣгъ, надо замѣтить, часто совершаются потому, что во многихъ мѣстахъ крайне неохотно выдаютъ замужъ дочерей, дѣвъ въ нихъ рабочую силу. Иногда прибѣгаютъ къ убѣгу или къ кражѣ съ тайнаго согласія родителей обѣихъ сторонъ ради сокращенія свадебныхъ расходовъ, и хотя въ такихъ случаяхъ кража и убѣгъ, такъ сказать, фиктивные, все же приходится платить отцу невесты при «прощеніи» слѣдующее.

Хотя большинство браковъ совершается «съ добра», однако раздѣльное житіе супруговъ на Алтаѣ составляетъ довольно обычное явленіе, обуславливающееся отчасти терпимымъ отношеніемъ къ нему міра и властей. «Когда жена, живя отдѣльно отъ мужа, обратится въ волостной судъ съ просьбой заставить выдать ей и дѣтямъ нужное на пропитаніе, судъ почти всегда, не входя даже въ разбирательство вопроса о причинахъ раздѣльнаго житія, удовлетворяетъ требованіе жены, не покушаясь ни малѣйше на ея человѣческое достоинство и на ея личность».

Сравнительно съ такимъ счастливымъ положеніемъ женщины на Алтаѣ, положеніе ея на Сахалинѣ, такъ, какъ это представляетъ Чеховъ въ 6-й книжкѣ «Русской Мысли», кажется ужаснымъ. Для прибывающей сюда каторжной женщины каторга въ собственномъ смыслѣ этого слова нѣтъ, для нея нѣтъ здѣсь даже никакого помѣщенія. Ей предоставлено самой заботиться объ этомъ, при томъ въ мѣстѣ, гдѣ «человѣческое достоинство, а также женственность и стыдливость ея не принимаются въ расчетъ ни въ какомъ случаѣ, какъ будто подрауливая, что все это выжжено въ ней пожаромъ или утеряно ею, пока она таскалась по тюрьмамъ и тапомъ». Она принуждена такимъ образомъ искать себѣ сожителя или оплачивать помѣщеніе своимъ тѣломъ. Мѣстная практика, говоритъ Че-

ховъ, выработала особенный взглядъ на каторжную женщину, существовавшій, вѣроятно, во всѣхъ ссыльных колоніяхъ: не то она человѣкъ, хозяйка, не то существо, стоящее даже ниже домашнего животнаго. Поселенцы селенія Сиска подали окружному начальнику такое прошеніе: «Просимъ покорнѣйше ваше высокоблагородіе отпустить намъ рогатаго скота для млекопитанія въ вышеупомянутую мѣстность и женскаго пола для устройства внутренняго хозяйства. За недостаткомъ женщинъ (25 на 100 мужч.) сожительницамъ въ общемъ здѣсь живется недурно, сожители жалуютъ ихъ; кромѣ этихъ хорошихъ семей здѣсь встрѣчаются другія, въ которыхъ сожительствующихъ трудно даже сравнить съ животными. Живи вмѣстѣ, нѣкоторые не интересуются даже какъ звать другъ друга, а зачастую сожители сами застаиваютъ своихъ сожительницъ промысливъ проституціей. Можно сказать, что въ семьяхъ послѣднего рода женщины почти поголовно проститутки. Такъ какъ каторжная женщина получаетъ арестантскій паекъ, которымъ она дѣлится съ сожителемъ, то ей гораздо легче живется, чѣмъ поселкѣ, такъ что чѣмъ срокъ каторги дольше, тѣмъ лучше для нея».

Положеніе свободныхъ женщинъ (40 проц. всего числа), прибывшихъ сюда добровольно вмѣстѣ съ мужьями или завлеченныхъ сюда послѣднимъ путемъ обмана, если не хуже, то и не лучше положенія каторжныхъ. При бѣдности большинства изъ нихъ, лишь только истощатся привезеннымъ съ собою деньгами, начинается голодъ. «Заработковъ нѣтъ, милостыни просить негдѣ, и ей съ дѣтми приходится кормиться той-же арестантской порціей, которую получаютъ изъ тюрьмы ея мужъ-каторжникъ и которой едва хватаетъ на одного взрослого. Изъ дня въ день мысль работаетъ все въ одномъ направленіи: чего-бы поить и чѣмъ-бы покормить дѣтей. Отъ постоянной проголоды, отъ взаимныхъ попрековъ кускомъ хлѣба и отъ увѣренности, что лучше не будетъ, съ теченіемъ времени душа черствѣетъ, женщина рѣшается, что на Сахалинѣ деликатными чувствами сытъ, не будешь, и идетъ добывать пятаки и гривенники, какъ выразилась одна, «своимъ тѣломъ». Мужъ тоже очерствѣлъ, ему не до чистоты, и все это кажется не важнымъ. Едва дочерямъ минуло 14—15 лѣтъ, какъ и ихъ тоже пускаютъ въ оборотъ. И все это совершается съ тѣмъ большей легкостью, что свободная женщина проводитъ здѣсь время въ полнѣйшей праздности».

П. Львовъ.